

Зенитчица. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> приятного чтения!

Зенитчица. Василий Владимирович Быков

Ночной путь по полям и перелескам без остатка вымотал их силы, под утро оба они едва не падали с усталости, особенно Нина. Девушка уже не разбирала, где шла, – лишь бы не потеряться, не отстать от своего спутника комбата Колесника, который то шевелился впереди во мраке, то совсем исчезал – пригибался, что ли? Она также останавливалась, пригибалась, стараясь на закрайке светловатого неба заметить его силуэт и направиться следом. Так было в поле. Темная безмесячная ночь с рассыпанной пылью Млечного пути в небе вообще-то скрывала их от немцев, но тут, в прифронтной полосе, легко было наткнуться на часового, огневую позицию, на бодрствующих немцев возле кухни или какого-либо полевого укрытия. Хорошо еще, что в стороне за лесом то и дело ухали неблизкие оружейные выстрелы, светловатые вспышки от которых на миг обдавали полевое пространство, перерытое траншеями, истоптанное колесами тягачей, танковыми гусеницами, и тем давали возможность кое-что увидеть поблизости. Под утро они набрали на голый полевой пригорок, изуродованный множеством глубоких воронок – следами недавней бомбежки. Нина заметила, как в одну из них впереди, тихо ругнувшись от неожиданности, провалился Колесник, следом ухнула в воронку сама. Выбравшись из ее пыльной, вонючей глубины, наткнулась на комбата, в нерешительности стоявшего на краю следующей. Впереди наискось по небу промчались огненные пунктиры трасс и тотчас донесся рыкающе-скрипучий звук – это выпустил очередь немецкий «МГ». Издали ему ответил характерный перестук нашего «максима», очереди которого оказались без трассиров, и их не было видно в ночи.

– Поняла? – шепотом спросил Колесник, когда она подошла ближе. – Кажись, добрели.

Он не сказал ничего больше, но и без того она все поняла сразу. Если добрели, значит – до передовой, до своих, значит, там фронт, там свои; теперь только бы перейти этот самый опасный рубеж, и они спасены.

Только вот как перейти?

Прежде всего следовало, наверно, очень спешить, чтобы успеть до рассвета. Но как было торопиться, если впереди, кроме близких своих, еще ближе где-то затаились немцы? Только где? Чтобы их увидеть, надо, чтоб рассвело, но ведь тогда и немцы могут обнаружить их. И комбат Колесник застыл на краю воронки – все вглядывался и вслушивался в тревожно затаенную ночную тишину. Нина опустилась на землю рядом.

– Надо левее брать, – наконец что-то понял комбат.

Может, и левее, подумала девушка. Как всегда в этой страшной дороге, она надеялась на него, как надеялась прежде в зенитной батарее, где обслуживала прожекторный расчет. Комбат у них был царь и бог, он распоряжался всеми – рядовыми и сержантами, а также двумя лейтенантами – командирами огневых взводов. К тому же в батарее он был старше всех чином, а также возрастом, руководил стрельбой во время бомбежек, получал команды от начальства. Разумеется, все девушки-прожектористки были влюблены в него, хотя рослый, видный из себя комбат будто бы и не выделял никого своей особой симпатией. Но Нина Башмакова все же чувствовала особенность его отношения к ней и – ждала. Ждала даже, когда самая симпатичная из них, Света Горепашкина, открыто призналась, что влюблена в комбата и он знает о том. Нина надеялась, и ее надежды в конце концов сбылись. Однажды, когда она дежурила ночью, он пришел, вроде для проверки поста, присел с ней на бровке и поцеловал ее. Она тогда как будто помешалась от счастья, когда только было возможно любовалась им вблизи и издали, следила за каждым его движением на батарее. А потом пришло время встреч – тайком, в темени ночи. Но, по-видимому, негодным богу оказалось их короткое фронтное счастье. За шесть дней окружения батарея была разгромлена, не осталось ни прожектора, ни орудий. Сержант Горепашкина в последнем бою осталась распластанной на бруствере с осколком в груди и окровавленным затылком, погибли оба их командира взводов. От всех зенитчиков вчера осталось пятеро, а потом, когда они перебрались под огнем через шоссе, оказались вдвоем – она и комбат. Где остальные, наверно, уже не узнать. Да и что было горевать о батарее, когда за неделю до того погибла вся армия, которую немцы обхватили в танковые клещи и уничтожили по частям.

Стрельба в отдалении то усиливалась, то затихала. Пулеметы сыпали в ночь пунктирами очередей, в небе вспыхивали отблески далеких артиллерийских выстрелов. За лесом то и дело беззвучно взмывали ракеты, отражая чернотой зубчатые вершины деревьев. Но ракеты были далеко, их отсветы недолго скользили по настороженным лицам двоих, и все пропадало в темени. С разбитого бомбами пригорка они спустились в какую-то травянистую ложбину-овражек и по ней стали круто забирать в сторону. В общем тут было безопаснее, чем в поле, отсветы разрывов и ракет сюда не проникали. Но вскоре их путь перегородили густые заросли кустарника, которые они сперва попытались обойти стороной, но лишь влезли в самую гущу на склоне.

Стало и совсем темно, ветки цеплялись за одежду и безбожно шуршали, они склонялись как можно ниже, но это мало помогало в темноте. Нина особенно боялась отстать, потеряться. Хорошо, что Колесник пробирался осторожно, и она старалась держаться поблизости.

Наконец они выбрались из кустарника. Здесь оказалось свободнее, овраг полого раздался в ширину, но, к их несчастью, начался рассвет. Бой вдаль за пригорком вроде бы стал ослабевать или отдаляться – в общем, было не понять. Недалеко пройдя по оврагу, они наткнулись на что-то широко разрытое в его боку, какой-то окоп, что ли. Повсюду в траве под ногами белели разбросанные ошметки бумаг, старые бинты. Рядом валялись два черных ящика автомобильных аккумуляторов. По всей видимости, это был брошенный капонир от какой-то обозной или санитарной автомашины, которая перебралась в другое место. Колесник осторожно вошел в земляное укрытие, поддев носком сапога, отбросил в сторону старый промасленный комбинезон и выглянул наружу. Овражек, плавно понижаясь, тянулся дальше, переходя в недалекий полевой простор, где что-то мелькнуло раз и другой. Похоже, это были трассы от пуль, и комбат замер.

– Стоп! Не вылазь! – негромко скомандовал он Нине, когда та добралась до капонира. – Присядь!

Она приткнулась на корточках под земляной стеной, а он, слегка пригнувшись, вгляделся в продолжение оврага. Наверно, там кто-то находился, мелькнули тускло-светловатые утром трассы выстрелов. Но чьи они были, определить было невозможно.

– Что? Что там? Немцы? – встревоженно спрашивала Нина.

– Может, и немцы, – сдержанно ответил он.

Может, немцы, а может, и свои, к которым они пробирались пятеро суток и до которых, кажется, остались последние сотни метров. Последние и, пожалуй, самые опасные. Стоит только поспешить – и ляжешь, прошитый очередью с той или другой стороны. Комбат Колесник выходил уже из третьего окружения и кое-что в том понимал. Из первого выбирались большой группой под минометным и пулеметным огнем, лезли напролом, лишь бы как, надеясь на авось, на то, что повезет. Многие полегли там, на хвойной опушке и особенно после, на травянистой пойме возле реки. Некоторым повезло, в том числе и Колеснику. Не зацепило ни пулей, ни осколком... Зато месяц потом просидел на фильтрации – писал объяснения, отвечал на допросах в особом отделе, заполнял анкеты. Как-то, правда, обошлось, хотя подозревали в худшем, особенно насчет батареи. Вроде он ее бросил. Хорошо, что нашелся свидетель, майор из штаба армии, который подтвердил все, что комбат показал в своем первом объяснении. Поверили и снова послали на батарею, в которой пришлось повоевать ровно один месяц. И снова – окружение, разгром. Выбирались мелкими группами ночью. Тогда им повезло – удалось нащупать прореху между соседними немецкими частями, в которую и проскользнули, разве что без матчасти. Орудия накануне подорвали, потому что двинулись в обход, по болотам и бездорожью, с ранеными, четырех из которых несли на самодельных, из жердей, носилках. В тот раз Колесник искренне пожалел, что не погиб в бою, что вышел, потому как дело его оформили в трибунал, и он неделю просидел без ремня под арестом. Да все-таки что-то там у них переменялось или, возможно, дело повернуло в иную сторону, и его срочно направили в батарею, оставшуюся без командира. Принимать батарею пришлось на переправе, к которой он бежал под огнем, но не из самолетов – из танков, уже прорвавшихся к переправе. Тогда бог его миловал, танки отбили, а батарею перебросили на правый фланг армии – на плацдарм, где она и осталась. Лишь они вдвоем уцелели.

– Что? Что там видать? – спрашивала Нина. Не прекращая наблюдать, он слегка обернулся к ней, снял с плеча автомат ППШ.

- Ни черта не разобрать. Похоже – передовая.
- Где? Там? – вскочив, девушка встала с ним рядом.
- Вон видишь – столбы. Значит, дорога. За дорогой наши.
- Наши?
- Но там простреливается. Жаль, не успели по-темному.

– Не успели...

Она разочарованно отвернулась от стены капонира, встряхнула головой, закидывая назад короткие светлые волосы. Пилотку потеряла вчера, волосы были пересыпаны землей и пылью от взрывов, извоженная в пыли воронок юбчонка на коленях и бедрах намочила от росы. В кирзовых сапогах давно сбились портянки, но не было возможности переобуться. Комбат, вроде без внимания к спутнице, все исследовал даль, чтобы окончательно убедиться, что там свои. На его моложавом, с отросшей щетиной, чернобровом лице лежала привычная тень тревожных забот. Ей захотелось, чтобы он взглянул на нее – одарил теплотой всегда желанного для нее внимания.

– Коля...

– Ну, – отозвался он, однако не повернув к ней головы. – Чего тебе?

– Ничего, – сказала она, слегка досадуя. – А мы выйдем?

– Выйдем, выйдем, – ответил он. – Ты сиди, не высовывайся.

Она опустилась наземь возле его запыленных сапог и сидела так, сжавшись в болезненно-нервный комочек. Она уже спала с ним – тайком, ночью, когда батарея отдыхала и лишь часовые бодрствовали возле орудий на огневых позициях. В такое время она тихонько пробиралась к его землянке и скрывалась за натянутаой плащ-палаткой, возле которой дремал над телефоном связист Блошкин. Любовь у них была молчаливая, жаркая, она сразу хмелела от прикосновения его требовательных рук и его грубоватой ласки и, наверно, не уходила бы от него, если бы не скорый рассвет. Как только начинало светать, торопливо совала босые ноги в остывшие за ночь сапоги и мчалась на пригорок, где размещалась их прожекторная позиция. Потом ждала. Дежурила, сидела в боевом расчете, ухаживала за матчастью, и все мысли ее, все воспоминания уходили за овражек, на батарейный КП, где оставался он. Так хотелось, чтобы он пришел к их прожектору, чтобы снова увидеть его, может, перекинуться словом. Как-то на склоне дня он и в самом деле наведалься к прожектористкам, старшина Дуся Амельченко отрапортовала, он ничего не сказал ей, обошел прожектор, молча потрогал ногой толстые жгуты проводов и ушел. Она помрачнела сразу, ушла в землянку и долго лежала с закрытыми глазами. Не набылась она с ним, не налюбилась – все ждала-жаждала, но не было как, не хватало времени. И так до разгрома, когда они очутились вдвоем. Но тут все оказалось иначе – тут он вроде и не замечал ее, да и ей стало не до него – гибель подруг, ошалелое бегство в ночи, кажется, уничтожили в ее душе все другие чувства, кроме всевластного чувства страха, опасности, единственного стремления – спастись. Опять же бессонные ночные блуждания по полям и перелескам, бесконечные игры со смертью отнимали силы, хмельной усталостью мутили сознание. Временами в провалах памяти она переставала ощущать себя, даже понимать, кто она и где очутилась.

Согнувшись у бровки капонира, Колесник молча и пристально вглядывался в широкое устье рва-ложбины, изучая рискованную возможность выскользнуть из западни. А она сидела и ждала, как всегда, во всем полагаясь на него. Усталость постепенно стала овладевать ею, наваливалась дрема, хотя знала она, спать было нельзя. За пригорком слышалась стрельба, вроде бы издали стали бить минометы, но полета мин не было слышно – значит, стреляли в сторону. Значит, там наши.

– Ну что там? – время от времени спрашивала она у комбата.

– Ничего. Сиди...

И она терпеливо сидела, отчаянно борясь с дремой, как когда-то сидела на КП командира дивизии, когда недолго служила в роте связи. В той роте, наверно, можно было служить долго, наверно, та рота в это окружение не попала, вырвалась

Зенитчица. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
вместе со штабом дивизии. Вообще-то, конечно, глупая она, Нинка Башмакова, зачем было ей жаловаться в политотдел на их начальника связи Блажного. Но очень уж он стал липнуть к ней – настойчиво, самонадеянно, как это он делал едва ли не со всеми девушками-связистками. Именно потому и пожаловалась, что слишком настойчиво и нагло. Опять же он был старый, некрасивый и, безусловно, семейный, а она тихонько и безответно любила тогда взводного старшего лейтенанта Артаева, который проявлял ноль внимания к ней. Но Артаева вскоре убило на переправе, а она из-за своей неразумной жалобы очутилась у зенитчиков на плацдарме...

Все-таки, наверно, она задремала и вдруг содрогнулась от совсем близких разрывов – уж не в том ли месте, куда им надлежало идти? С испугу она вскочила. Колесник стоял на своем прежнем месте, прислонясь к стене капонира и не отрывая взгляда от местности.

– Что? А?..

Комбат не ответил, и она встала рядом, стараясь понять или увидеть, что там происходит. Уже совсем рассвело, начиналось летнее утро, лучи невидимого из-за пригорка солнца ярко высветили спокойное, с редкими облачками небо. Всюду стало видно, особенно на противоположном склоне овражка, но там было пусто – спокойно лежал пологий, заросший сорняками склон.

За пригорком же разгорался огневой бой – вонзались куда-то пулеметные очереди, приглушенно трещали-лопались звуки винтовочных выстрелов; через головы, с усилием полосуя утренний воздух, пронеслись из тыла тяжелые снаряды. Взрывов, однако, не было слышно, все тонуло в грохоте и треске ближнего боя.

– Там наши! – вдруг с уверенностью сказал комбат и присел с ней рядом.

– Так пойдем! – встрепелась она.

– Попробуем. Только...

– Что? Там немцы?

– Немцы, конечно. Но...

Снова вскочив, он прилип к стене капонира – статный, в командирской обмундировке, с портупеей через плечо, тремя кубиками в черных, артиллерийских петлицах. Командир. Комбат. Для всех комбат, а для нее с какого-то времени – Коля.

Она понимала это его но: сейчас наступало самое для них важное и самое страшное. Или они наконец вырвутся из этой смертельной западни, или оба лягут на самом пороге к спасению.

Конечно, погибнуть она всегда боялась, но, может, больше, чем гибели, боялась плена. Она уже была наслышана, как поступают немцы с пленными, особенно девушками – это было похуже смерти. Может, потому она за весь этот путь к спасению берегла единственную свою «лимонку», что неудобно болталась при ходьбе в кармане юбки. Граната не для немцев, это была граната для себя. В последний свой час. Правда, на батарее у нее была и винтовка образца 1891/30 года (длиннющая, с тонким штыком), но эту винтовку она оставила на позиции после ужасной бомбежки. Заваленная землей, сама кое-как выгреблась из-под завала, а винтовку искать не стала. Пусть пропадает винтовка, дал бы бог ноги. Ноги ее и спасали, как, впрочем, и всех остальных в этой ужасающей круговерти. Колесник тем временем понял, что вроде бы наступал момент, к которому они стремились. Чувствовалось почти определенно, что за теми придорожными столбами, может, немного поодаль – наши. Он так стремился туда и даже порой терял веру, что это осуществится. Теперь последний рывок, и они среди своих. Но что после? Вот это после его и смущало, о том после не хотелось и думать. Да он и не думал, пока они бежали в огненной пляске трассирующих очередей из немецких танков, лежали в земляном смерче бомбежек, поползая по ночам через немецкие позиции, теряя при этом своих и чужих бойцов и командиров. И девчат. Этих милых, наивных патриотов, что недавно еще осаждали тыловые военкоматы, приписывали себе недостающие годы рождения, плакали и просились, чтобы как можно скорее послали защищать родину. В этот бесконечный фронтовой бардак, огонь, кровь и смерть. Сколько их, растерзанных бомбами, расстрелянных из пулеметов, окровавленных, умирающих в окопной грязи, осталось там, на плацдарме. Может, только ему с этой милой наивной Башмаковой и повезло. Только ее он и вывел. Но хорошо, что вывел...

– Сейчас рванем, – сказал он и, может, впервые внимательным взглядом повел по ее исстрадавшемуся перепачканному землей лицу.

За пригорком вовсю гремело и грохотало, пули с коротким свистом проносились над ложбиной, наверно, далее оставаться тут было небезопасно, каждую минуту возле капонира могли появиться немцы.

– Бинта не имеешь? – спросил Колесник.

– Нету, как перевязывали Гусева, отдала...

Он выскочил из неглубокого капонира и, пошарив поблизости, собрал на траве раскрученные обрывки немецких бинтов. На ходу пооборвав окровавленные бумажные концы, снова подбежал к ней.

– Нераненным туда выходить нельзя, – сказал он.

– Как?

– Так.

– Что?

– Не понимаешь, что? Хотя ты первый раз... Слушай! Вот тебе автомат! – прежде чем передать ей свой ППШ, щелкнул переводчиком, ставя его на одиночные выстрелы. – Держи. Наведешь мне в руку и выстрели.

Не до конца понимая его, она ослабевшими, ватными руками взяла оружие. В ее расширенных глазах застыли испуг и удивление. А он, отойдя шагов пять, вытянул над бровкой капонира левую руку.

– Ну!

– Что – стрелять? – беззвучно промолвила она одними губами.

– Стреляй, ну! Только скорее...

– А я?

– Можно и тебе. Если хочешь. Ну!

Он требовательно ждал, застыв возле земляной стены капонира с откинутой в сторону левой рукой в заношенном рукаве гимнастерки с двумя латунными пуговичками на манжете. Его симпатичное чернявое лицо, как всегда, внушало решимость. А в ней поднималось внутри что-то черное и злое, и в мыслях стучало одно только слово – предатель!

– Ну ты что? Давай быстро! Некогда...

Захлебнувшись от непонятого взрыва обиды, она передернула металлический шпенек на автоматический огонь и подняла автомат.

– Пониже локтя. Я стерплю...

«Не стерпишь!» – сказала она себе в мыслях и решительно нажала на спуск. Недлиная очередь брызнула несколькими пулями, взбив возле комбата пыльные комья земли. На подогнутых ногах Колесник сполз по откосу наземь и застыл, неуклюже согнувшись. Показалось, он что-то сказал ей, но она не поняла что – она даже и не взглянула на него. Наверно, какое-то время он еще жил, подергивая головой, а потом затих, будто окончательно смирившись с происшедшим. Она постояла еще, пытаясь как-то совладать с собою, и побрела по склону овражка. Впереди возле столбов, показалось, пробежал кто-то, но ее мало интересовало – кто... Назад она уже не оглядывалась и больше не интересовалась тем, кого пристрелила. Никто у нее о том и не спрашивал, когда она вышла к своим. Откуда ей тогда было знать, что в том капонире остался отец ее сына, который родился зимой, когда она, уже комиссованной, вернулась с младенцем в маленький смоленский городок, где жила до войны...

Зенитчица. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!